

Д.Г. Савинов

**ДЕРЕВО И МАСКА:
АРХЕТИП ОДНОГО ИЗ ОБРАЗОВ
ОКУНЕВСКОГО ИСКУССТВА**

Наличие местного / сибирского компонента в формировании окуневской культуры со времен выделения ее Г.А. Максименковым [Максименков 1975] является установленным фактом. Подтверждение и развитие этого положения мы находим в работах Л.А. Соколовой [Соколова 2009], Э.Б. Вадецкой [Вадецкая 2014] и др. Соответственно, с этим компонентом связываются отдельные проявления окуневской изобразительной традиции; в первую очередь, личины и изображения лосей ангарского стиля. Вместе с тем во все предшествующие годы основные усилия исследователей в поисках истоков отдельных образов были направлены в зону высоких цивилизаций: Передняя Азия — Двуречье, Малая Азия — Хетты; Индия — Мохенджо-Даро; а также Эгейский мир и Средняя Азия (А.А. Формозов, М.Д. Хлобыстина, Я.А. Шер, Л.Р. Кызласов, В.Д. Кубарев, Б.Н. Пяткин, Е.А. Миклашевич, Л.А. Соколова и др.). Однако эти подчас убедительные, но расходящиеся в пространстве аналогии никак не снимали проблемы выделения местного / сибирского компонента окуневской изобразительной традиции [Савинов 2015].

Рассматривая с этой точки зрения художественное наследие населения окуневской культуры, следует отметить, что феномен окуневского искусства, помимо всего прочего, заключается в сочетании разнообразных видов изобразительной деятельности (каменные изваяния, гравировки и красочные изображения на плитах, петроглифы, предметы мелкой пластики) и устойчивой повторяемости одних и тех же образов, которые, несмотря на индивидуальность исполнения, являются отражением определенных культовых действий. Причем объекты почитания или детерминирующие персонажи этих культовых

действий в изобразительном плане могут представлять как их самих (условно — лики наиболее почитаемых божеств), так и их реальные воплощения, необходимые для проведения соответствующих обрядов. Скорее всего, именно эти изображения, специально сделанные для проведения ритуальных действий, можно считать архетипическими.

Одним из таких архетипических объектов поклонения в окуневской изобразительной традиции могли служить дерево и маска, сочетание которых в одном сакрализованном воплощении вообще является универсальным в ритуальной практике первобытных обществ. В данном случае именно они, скорее всего, восходят к местному субстрату, участвовавшему в формировании окуневской изобразительной традиции. Дерево и растительные мотивы на изваяниях окуневской культуры уже эпизодически рассматривались в литературе с разных позиций [Мартынов 1983; Савинов 1996], однако только контаминация этих образов — «дерево—маска» — позволяет понять глубинный смысл и реальные воплощения подобных изображений.

Своеобразным «ключом» к раскрытию этого архетипического пласта окуневского искусства может служить замечательная композиция Шалаболинских скал (камень 53), открытая и опубликованная Б.Н. Пяткиным [Пяткин 1980: рис. 1; Пяткин, Мартынов 1985: 54–56, рис. 68]. По своему местонахождению — на правом берегу Енисея, ближе к подтаежной зоне — она ближе всего к предполагаемым истокам древних (неолитических?) традиций окуневского искусства, чем, вероятно, объясняется и большое количество находящихся здесь изображений лосей в ангарском стиле.

Явно доминирующее (центральное) положение на рассматриваемой композиции занимает крупная личина, иконографически соответствующая окуневским изваяниям, с роскошными переданными анфас бычьими рогами (маска?), как бы «вырастающая» из трех, судя по количеству вершин, сплетенных между собой деревьев (рис. 1, 1). Справа и слева от нее располагаются две более мелкие антропоморфные фигуры: левая (от зрителя) — в позе адорации с поднятыми руками; правая — с раскинутыми руками, из которых «сыплются» кресты — души (?). Выше нее расположены пять клиновидных фигурок с «рожками» (духи-охранители?). В левой части композиции изображен лось в ангарском стиле, в спину которого вонзился дротик (жертвоприношение?). По краям всю сцену фланкируют антропоморфные фигуры в высоких головных уборах, выполненные в характерном тас-

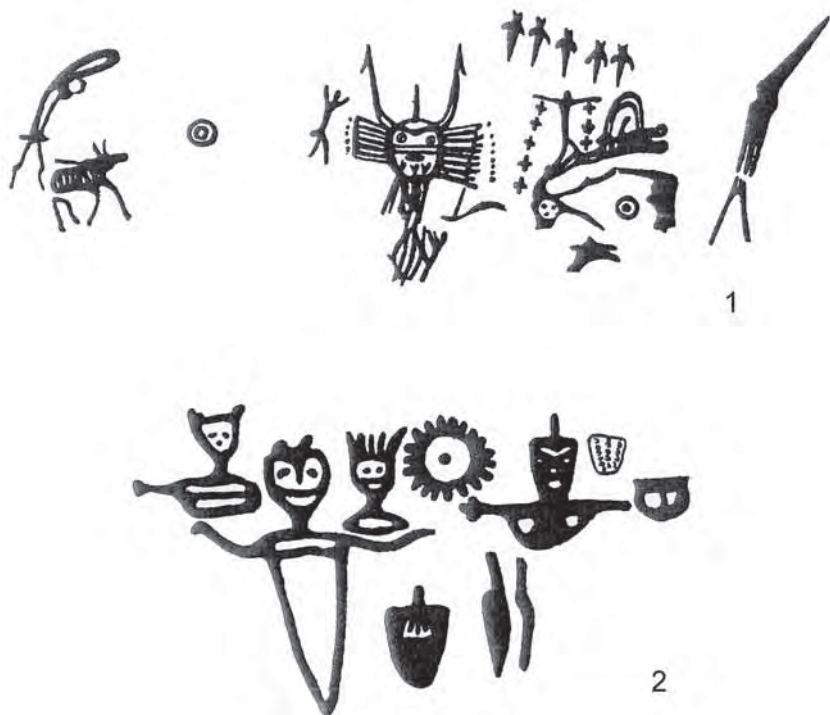

Рис. 1. Сложные композиции с изображением обрядов реинкарнации (?):

- 1 Шалаболинская писаница (по: [Пяткин, Мартынов 1985]);
- 2 Майская писаница (по: [Окладников, Мазин 1976])

хазинском стиле и скорее всего представляющие каких-то мифологических персонажей (или костюмированных служителей культа). В целом значение данной композиции может быть определено как изображение цикла ритуальных действий по «сценарию»: жертвоприношение — поклонение — возвращение душ (?) под «патронажем» верховного божества, олицетворяемого «деревом-маской».

На содержательном уровне поразительное сходство с Шалаболинской композицией обнаруживает известная Майская писаница на р. Алдан, Якутия [Окладников, Мазин 1976: табл. 52], которую можно относить к тому же местному / сибирскому субстрату (рис. 1, 2). На ней в ряд изображены четыре антропоморфные фигуры; из них две — с раскинутыми в стороны руками — явно являются основными.

Левая с личиной, близкой окуневским, и клиновидным туловищем показана контурно; правая (изображена только верхняя часть туловища) передана силуэтно и по характеру исполнения больше всего напоминает маску. Налицо явная «цветовая» дихотомия всей композиции: левая половина — светлая; правая половина — темная. Выше клиновидной фигуры находятся две (или одна, переданная анфас и в профиль?) «дочерние» фигурки, обозначенные также контурно, без рук. Эти уникальные для петроглифики фас / профильные изображения больше всего напоминают (аналогия, еще не замеченная исследователями) так называемые «утюжки» из поселения Самусь IV на другом, северо-западном конце «окружения» окуневской культуры (под Томском).

Рядом с правой (силуэтной) фигурой изображены несколько предметов (также достаточно редкий случай в искусстве наскальных изображений) — керамика и бронзовые (?) изделия, по формам соответствующие артефактам карасукского и окуневского (?) типа. Если предположить, что темноокрашенная «обрезанная» фигура-маска (?) представляет собой персонаж нижнего мира, то находящиеся рядом с ней предметы вполне могут квалифицироваться как сопроводительный инвентарь. В таком случае левая «светлая» часть композиции может символизировать идею реинкарнации, возрождения, что и показано в «дочерних» фигурках, как бы исходящих (или вылетающих?) из раскинутых рук «божества» на первом плане. На границе этих двух миров — жизни и смерти — находится Солнце, крупный солярный знак, занимающий здесь такое же центральное положение, как на Шалаболинской писанице солнечная личина с бычьими рогами.

Проведенный сравнительный анализ показывает, что, несмотря на некоторые допущения, неизбежные при интерпретации содержания памятников наскального искусства, между Шалаболинской и Майской писаницами на глубинном, концептуальном уровне имеется несомненная (архетипическая?) связь, соответствующая ритуальной практике древнего местного населения, участвовавшего в формировании окуневской изобразительной традиции. Более того, замеченные особенности оформления одной писаницы помогают понять некоторые детали другой. Так, оказывается, что фланкирующие антропоморфные фигуры на Шалаболинской композиции, как и две части Майской писаницы, переданы в том же дихотомическом соотношении: одна — контурно (в сцене жертвоприношения лося), другая — силуэтно. Не случайно, очевидно, и различие в головных уборах

обеих фигур: у левой — параболоидной формы; у правой — высокой конической. Вполне вероятно, что в этих различиях отражено противопоставление двух миров: светлого (земного?) и темного (потустороннего). В таком случае, кресты-души (?) на Шалаболинской писанице возвращаются «вниз» из темного (потустороннего) мира. Возможно, не случайно также, что руки на силуэтном изображении Майской писаницы, в отличие от левой фигуры с клиновидным туловищем, показаны прямой линией с тремя «остростками» (пальцами?) на одном конце и более всего напоминают деревянную поперечную основу манекена с надетой на него маской (?).

Таким образом, «дерево-маска» представляется как единый (кульминационный) объект почитания (покровительства?) при проведении древних обрядов реинкарнации, возрождения и в этом отношении является архетипическим. Укрепляет нас в этом предположении еще одно замечательное изображение на Шалаболинской писанице (камень 42), на котором представлена крупная «солнечная» личина (маска в «короне») с пересеченным наискось крестом вместо лица, ниже которой показана деревянная «жердь» (?), украшенная зигзагообразной линией со свисающей бахромой и развилками на концах [Пяткин, Мартынов 1985: рис. 56]. Судя по всему, это только верхняя, наиболее значимая часть изображения верховного «божества», помещенная (укрепленная?) на деревянном стволе (рис. 2, 2).

Архетипический образ «дерево-маска» не менее выразительно представлен в других изобразительных материалах «окружения» окуневской культуры, в первую очередь каракольской культуры Горного Алтая, наиболее близкой собственно окуневской. В полихромных росписях на стенках каменных ящиков из Каракола имеется целый ряд выполненных в иной художественной манере и технике, но уже знакомых нам персонажей [Кубарев 1988, 2009], условно обозначенных нами как «дерево-маска». Все они увенчаны роскошными бычьими рогами (маски) и представляют собой полихромные фигуры-«манекены», в создании которых очевидно или можно подразумевать наличие деревянной основы.

В одном случае это антропоморфная фигура с бычьими рогами, переданная в полный рост, в длинном одеянии со свисающими руками. На уровне плеч вместо раскинутых рук показана деревянная «жердь» (точнее ее трудно определить) с тройными развилками на концах (рис. 2, 1). В другом случае это такая же фигура, но уже с прямыми раскинутыми руками, как на Майской писанице, с соответ-

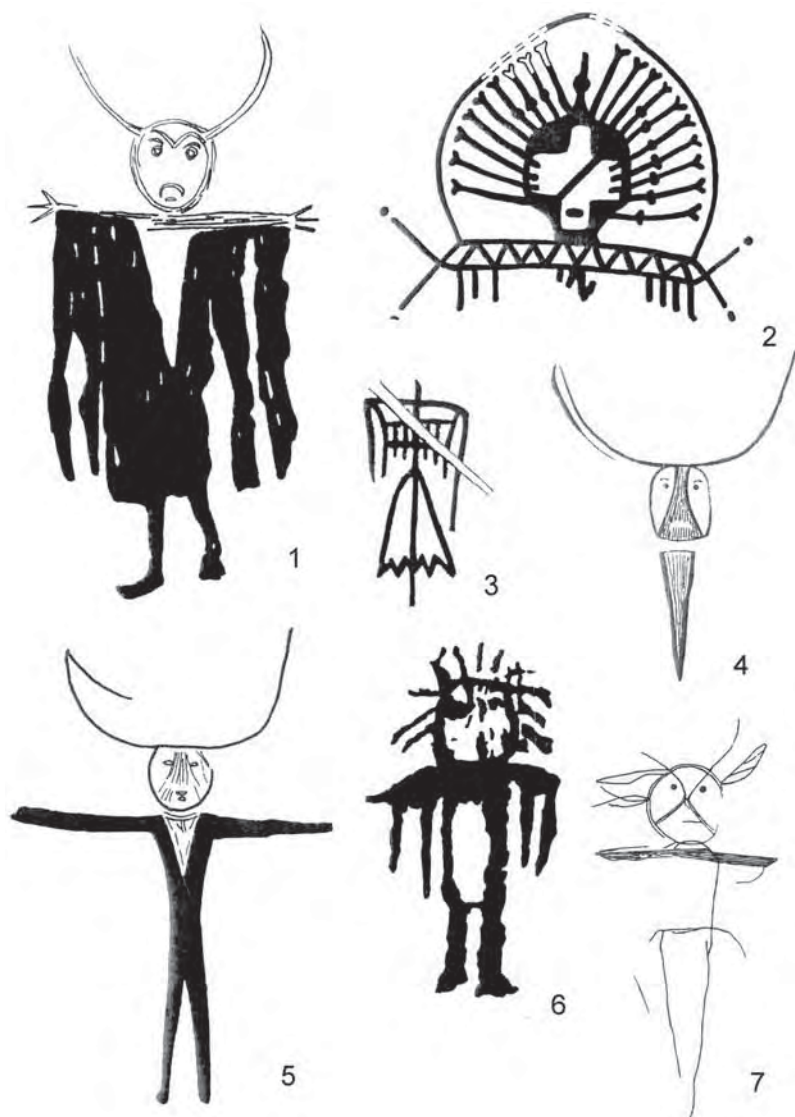

Рис. 2. Антропоморфные изображения маски на деревянном столбе:
 1, 4, 5 Каракол; 6 Карбан; 7 Озерное (по: [Кубарев 2009]);
 2 Шалаболинская писаница (по: [Пяткин, Мартынов 1985]); 3 р. Аскиз
 (по: [Леонтьев, Капелько, Есин 2006])

ствующей раскраской лица (рис. 2, 5). В третьем случае ситуация наиболее показательная. Ниже аналогичной маски с бычьими рогами — с небольшим разрывом — находится фигура вытянуто-треугольной формы, даже заштрихованная «под дерево»; по В.Д. Кубареву, «ручка маски» [Кубарев 1988: 66]. Однако с не меньшим основанием в ней можно видеть нижний заостренный конец деревянного столба, переданного частично (блестящая композиционная находка, чтобы не показывать столб полностью!), на вершине которого находится маска с бычьими рогами (рис. 2, 4).

Аналогичные фигуры в масках и с поперечной «жердь» на уровне плеч со свисающей бахромой можно видеть в петроглифах из Карбана (рис. 2, 6) [Кубарев 2009: рис. 141, 5, 6]. Особого внимания в этом ряду заслуживает изображение из Озерного, на котором совершенно отчетливо показана поперечная «жердь» и клиновидное, как у контурной фигуры на Майской писанице, туловище (рис. 2, 7). Опираясь на анализ изображения из Каракола, можно предполагать, что таким образом здесь показана нижняя заостренная (для вкапывания в землю?) часть деревянного столба, на котором помещалась ритуальная маска. При этом нельзя не отметить нахождение здесь же, в каракольских росписях, изображения лося в характерном ангарском стиле [Кубарев 2009: рис. 92], а также серию шагающих антропоморфных фигур в параболоидных головных уборах, таких же, как у левой фланкирующей фигуры на Шалаболинской писанице [Там же: 45, 47—49 и след.]. По ним определяются широкий ареал связанных с ними мифологем и не дошедших до нас культовых действий.

В Минусинской котловине к данному кругу обрядов и образов, по всей видимости, можно отнести сцену на плите из ул. Кызлас с изображением ряда вертикально установленных шестов с «накинутыми» на них разукрашенными одеяниями и расположенными ниже фигурами жертвенных (?) быков [Леонтьев, Капелько, Есин 2006: № 255]. Здесь же присутствует исполнитель этого ритуала (маскоид), переодетый в птицу. На другой плите с правого берега р. Аскиз [Леонтьев, Капелько, Есин 2006: № 215] находится аналогичная одноногая фигура, основу которой составляет шест с «поперечиной», с накинутым на него одеянием с бахромой, но без головы, т.е. без маски (рис. 2, 3).

Клиновидные фигурки, аналогичные изображенным на Шалаболинской писанице, также, очевидно, делавшиеся из дерева и втыкавшиеся в землю, скорее всего имели охранительное назначение. Именно в этом качестве, расположенные по кругу, они встречаются на

глиняных сосудах, найденных в Прибайкалье, на юге Западной Сибири и на Лене (рис. 3, 3, 4, 7). Если иметь в виду распространенное представление о витальной сущности сосуда (хранилище душ?), то появление подобных охранительных изображений на керамике из памятников «окружения» окуневской культуры вполне объяснимо. Возможно, таким же образом (наподобие своего рода *онгона*) можно трактовать один из рисунков в петроглифах Калбак-Таша (рис. 3, 8), который В.Д. Кубарев интерпретирует как изображение маскоида — «с ручкой» [Кубарев 2009: рис. 142].

Наконец, из древнего святилища Мугур Саргол (Саянский каньон Енисея) происходит самая представительная серия (целая галерея!) наскальных изображений личин-масок [Дэвлет 1980] с такими же бычьими рогами, антенновидными выступами «на темени» (как в изображениях на Майской писанице) и «ручкой» (рис. 3, 5, 6). Некоторые из них сочетаются с переданными фрагментарно образами дерева и птицы (рис. 3, 10, 11), являющейся, как известно, символом переносчика душ. М.А. Дэвлет привела достаточно близкую аналогию этим изображениям в бронзовых масках из Древнего Китая (рис. 3, 9). Список таких сопоставительных материалов можно было бы продолжить.

Каким образом проходили обряды, участниками и реалиями которых были подобные изображения, конечно, сказать трудно. Однако одна такая сцена — писаница на горе Ашпа в Хакасии — сохранилась [Леонтьев 1979: рис. 15]. На ней изображена «сложная нереалистическая» (по терминологии Э.Б. Вадецкой [1980: 48]) личина (маска?), полностью соответствующая иконографии окуневских изваяний, ниже которой показаны две танцующие мужские итифалические фигуры (рис. 3, 12). Скорее всего, они показаны во время исполнения обряда плодородия, реинкарнации под покровительством того же верховного божества. Можно предполагать, что маска с изображением лица этого божества была укреплена на вершине деревянного столба, в данном случае, в отличие от каракольских петроглифов, не изображенного, но явно подразумеваемого.

Рассмотренные материалы, связанные с реконструируемым образом «дерево-маска», по всей видимости, знаменуют собой наиболее ранний, архетипический пласт окуневского искусства, точнее, его местную / сибирскую подоснову. Это соответствует давнему мнению Г.А. Максименкова о том, что первоначально подобные окуневским изваяния могли изготавливаться из дерева [Максименков 1975: 37].

Рис. 3. Клиновидные фигурки и маски: 1, 2 Майская писаница (по: [Окладников, Мазин 1976]); 3, 4, 7 изображения на керамике (по: [Савинов 1997; 2005]); 5, 6, 10, 11 Мугур Саргол (по: [Дэвлет 1980]); 9 китайская бронзовая маска (по: [Дэвлет 2013]); 12 композиция на горе Ашпа (по: [Леонтьев 1978])

Однако это не означает, что предполагаемый архетип исчез или существенным образом изменился с дальнейшим развитием окуневского искусства. Скорее всего он продолжал существовать, во всяком случае на содержательном уровне, обеспечивая преемственность и разнообразие изобразительной деятельности населения окуневской культуры.

Библиография

Вадецкая Э. Б. Изваяния окуневской культуры // Э.Б. Вадецкая, Н.В. Леонтьев, Г.А. Максименков. Памятники окуневской культуры. Л., 1980. С. 37–147.

Вадецкая Э.Б. Этапы ассимиляции населения афанасьевской культуры племенами окуневской культуры // Археология древних обществ Евразии. Хронология, культурогенез, религиозные верования. Памяти В.М. Массона. СПб., 2014. С. 315–331.

Дэвлет М.А. Петроглифы Мугур Саргола. М., 1980.

Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. Новосибирск, 1988.

Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск, 2009.

Леонтьев Н.В. Антропоморфные изображения окуневской культуры. Проблемы хронологии и семантики // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Неолит и эпоха металла. (История и культура народов Востока). Новосибирск, 1978. С. 88–118.

Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан, 2006.

Максименков Г.А. Окуневская культура: Автореф. дис. ... д.и.н. Новосибирск, 1975.

Мартынов А.И. Растительная символика на изваяниях окуневской культуры // Археология Южной Сибири (Известия Лаборатории археолог. исслед. Вып. 12). Кемерово, 1983. С. 19–33.

Окладников А.П., Мазин А.И. Писаницы бассейна реки Алдан. Новосибирск, 1976.

Пяткин Б.Н. Ранние петроглифы Шалаболинских скал // Археология Южной Сибири (Известия Лаборатории археолог. исслед. Вып. 11). Кемерово, 1980. С. 27–44.

Пяткин Б.Н., Мартынов А.И. Шалаболинские петроглифы. Красноярск, 1985.

Савинов Д.Г. Дерево в ритуальной практике населения окуневской культуры // Животные и растения в мифоритуальных системах: Материалы науч. конф. СПб., 1996. С. 24–25.

Савинов Д.Г. К вопросу о формировании окуневской изобразительной традиции // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб., 1997. С. 202–212.

Савинов Д.Г. Ритуальная сфера бытия в наскальных изображениях эпохи бронзы Саяно Алтайского нагорья // Мир наскального искусства: Сб. докл. междунар. конф. М., 2005. С. 219–223.

Савинов Д.Г. Северный / сибирский компонент окуневской изобразительной традиции // IV Северный археологический конгресс: М. лы. Екатеринбург; Ханты Мансийск, 2015. С. 208–212.

Соколова Л.А. Формирование окуневского культурного комплекса: Авто реф. дис. ... к.и.н. СПб., 2009.